

Рецензия на книгу *McCone K. The Celtic Question: Modern Constructs and Ancient Realities. Dublin, 2008.*

Небольшая брошюра одного из ведущих специалистов по истории кельтских языков Кима Маккона «Кельтский вопрос: современные конструкты и древний мир» призвана завершить длительную дискуссию об этническом и историческом статусе кельтских народов. Ядро проблемы составляют трудности, связанные со сведением воедино разрозненных данных археологии и исторического языкознания и сообщений античных авторов. Традиционный подход, лежащий в основе многих популярных и обобщающих работ, можно сформулировать следующим образом: кельты — это народы, которые античные авторы называли кельтами, галлами или галатами, одновременно кельты — это современные, исторические и доисторические носители кельтских языков, и они же — носители латенской и, возможно, более ранней гальштаттской археологической культуры I тыс. до н. э. К сожалению, мы не можем убедительно обосновать тождество этих общностей. Так, латенская культура едва представлена в Ирландии, лингвистически кельтской территории *par excellence*, и при этом ни один античный автор не называл жителей Британских островов «кельтами» — все это делает картину «кельтской Европы» бесконечно открытой для критики. Отдельный повод для жесткой дискуссии — вопрос об этническом статусе кельтов. Современная этнология и антропология требуют включения в список маркеров этничности таких позиций, как самосознание и саморепрезентация. Знали ли кельты греческих авторов IV–III вв. до н. э. о том, что они «кельты»? Знали ли притовостоявшие Цезарю галлы, что они участвуют в Галльской войне? Наконец, знали ли галлы, что кельты Центральной Европы и галаты Малой Азии принадлежат к той же племенной общности? Оттенок политической злободневности сугубо научной, казалось бы, дискуссии придает проблема современной кельтской идентичности. Сохраняют ли современные ирландцы, шотландцы, валлийцы и бретонцы часть наследия той племенной общности ко-

торая некогда объединяла в культурном и языковом плане почти всю современную Европу?

Груз нерешенных и, по-видимому, не полностью разрешимых при актуальном состоянии источниковой базы проблем заставляет авторов, пишущих о кельтском вопросе, воздерживаться от категоричных утверждений. Принято если не отрицать существование исторической кельтской общности как таковой, то хотя бы указывать на многочисленные оговорки, которые надо делать, используя слово «кельты» за пределами чисто лингвистических исследований (см., среди прочего, [Chapman 1992], [Collis 1996], [Uhlich 2000], [Sims-Williams 1998]).

На фоне подобного скептицизма работа К. Маккона выделяется своим позитивным настроем: в ней сделана попытка доказать, что «кельты» действительно было общим самоназванием народов, говоривших на кельтских языках, и что, следовательно, вопрос о доисторической кельтской общности и кельтской культуре имеет полное право на существование. В начале своего исследования К. Маккон анализирует упоминания слов *Keltoi*/кельты, *Galátai*/галаты и *Galli*/галлы у античных авторов и, в отличие от большинства авторов, заключает, что «*Keltoi*... очевидным образом было аутентичным словом (term), который древние галлы использовали, чтобы обозначить себя как единое целое» (Р. 3). Основанием для этого прежде всего служит то обстоятельство, что слово *Keltoi* не является исконно греческим и при этом элемент *Celt-* засвидетельствован в имени отца галльского вождя Верцингеторикса Кельтилла (*Celtillus*; *De Bello Gallico* 7.4.1).

Поскольку К. Маккон целиком и полностью оставляет за пределом своего рассмотрения проблемы кельтской археологии, его основной тезис оказывается заявлен и получает обоснование уже в самом начале работы. Исследователь, однако, не останавливается на этом и пытается дать объяснение — этимологическое — всем словам, которые использовались античными и средневековыми авторами для обозначения народов, причисляемых сегодня к кельтской группе.

Этноним *Galátai* К. Маккон возводит к общекельтскому слову **galā* 'боевая ярость, доблесть', объединенному с суффиксом **-ati-*, означающим принадлежность. Таким образом, изначально галаты — это группа молодых воинов, сходных по характерному для них боевому исступлению с германскими берсерками. Поскольку первое знакомство греческих авторов с кельтами произошло во время кельтских военных набегов, термин для обозначения молодых воинов стал впоследствии названием всего народа, к которому они принадлежали.

Установив таким образом исконную «кельтскость» галатов, К. Маккон переходит к этимологическому анализу этнонимов, которые использовались в Античности и Средневековье для обозначения «современных кельтов» — жителей Британских островов. Указав, что «этимология слов *Britannia* и *Britanni* не играет существенной роли для нашего рассуждения» (Р. 9) и возведя их в купе с обозначением пиктов (валл. *Prydyn*, ирл. *Cruithin*) к кельтскому корню **k^vrito-* 'отрезанный' — морем от материка (хотя «докельтское происхождение не может быть полностью исключено»), исследователь предполагает, что постепенно этот этноним маргинализировался и стал обозначать исключительно жителей современной Шотландии, в то время как остальные кельты Великобритании стали называться *Cymry* (от бриттского **Combrog-os/-i* 'населяющий[-ие] одну и ту же территорию') или валлийцы (от англосакс. *Wealh* 'чужеземец'). «Это оставляет вопрос о том, как называлось кельтоязычное население Британии до того, как получил распространение этноним наподобие **Pritenoi*, открытым, но нет никаких очевидных причин считать, что они назывались не **Keltoi*» (Р. 9).

Затем К. Маккон переходит к анализу ирландского материала. Найти убедительную этимологию для древнего названия острова — греч. *Iérnē* / **Iwern-* — не представляется возможным, а древнее самоназвание *Goídil*/гойделы (совр. англ. *Gael*) является, по-видимому, заимствованием из бриттского 'дикий' (старобрет. *guoid* 'id.', средневалл. *guyd* 'id.', древнеирл. *fíad* 'id.'). Более древнее са-

моназвание может отражать правовой термин *Féni*, обозначающий свободного человека (и иногда используемый для отделения жителей Ирландии вообще от уладов Ольстера и галеойнов или лагинов Лейнстера). Родственным этому слову может быть название одного из валлийских королевств Гвинедда.

Предметом особо пристального рассмотрения со стороны К. Маккона является пара этнонимов, использовавшихся для обозначения жителей Ирландии в Средние века, — *Scot(t)i* и *Atacotti*. Поскольку слово *Scot(t)i* не имеет очевидной латинской этимологии, исследователь заключает, что оно было заимствовано из ирландского, где впоследствии перестало использоваться как этноним. Приводя для сравнения этимологически темное древнеирландское слово *scoth* 'цветок, отборная часть', возводимое к **skotā*, К. Маккон предполагает, что слово **skotī* изначально служило для обозначения мужских представителей ирландского правящего класса. Слово же *Atacotti* (тж. *Atecotti* или *Atacotti*) через сопоставление с древнеирландским префиксом *a(i)th-* 'экс-, дегенерировавший, потрепанный' возводится к композиту **atiko-tōtās*, означавшим нечто вроде 'люди второго сорта'. Также исследователь отмечает возможную связь этого этнонима с понятием *aithech-thúatha* «подчиненные народы»: последнее должно восходить к другому композиту — **atiweyoko-tōtās*, — однако к первым векам нашей эры две праформы должны были благодаря регулярным фонетическим изменениям слиться в одну. «Если все происходило таким образом, то слова *Scoti* и *Aticotti* использовались для обозначения ирландской правящей элиты и зависимых от нее людей в IV в. н. э. аналогично тому, как существенно позже называли норманнских правителей и их англосаксонских вассалов» (Р. 14). Древнеирландская форма им. п. мн. ч. *Scuit* (дат. п. мн. ч. *Scotaib*) оказывается, согласно реконструированной К. Макконом схеме фонетического развития, вторичным заимствованием из лат. *Scottus*.

Вписав таким образом все «проблемные» обозначения исторических кельтских народов в кельтский языковой круг, К. Маккон переходит к исторической, наиболее объемной, части своей работы, в которой рассказывает о постепенном

«вторичном» становлении общекельтского самосознания и появлении научной кельтологии — от средневековых псевдоисторических сочинений до «возрождения» валлийских друидических традиций Иоло Морганугом в конце XVIII в. и развития современного сравнительно-исторического языкознания. В конце этого обзора исследователь предлагает еще одну этимологию — на сей раз самого предполагаемого самоназвания **Keltoi*. Оно возводится к и.-е. **k'ltos* 'скрытый' (лат. *occultus*, древнеирл. *-cleth* 'скрытый'), и кельты, таким образом, оказываются 'потомками скрытого', при том что Скрытый — «весьма вероятный титул для бога подземного мира, от которого, согласно Цезарю (BG 6.18), вели свой род все галлы» (Р. 38). Германским аналогом данного скрытого бога подземного мира оказывается древнеисландская Хель, чье имя традиционно возводится к той же основе.

В конечном итоге, признавая вместе со многими кельтоскептиками, что «многие случаи современного употребления слов „кельт“ и „кельтский“ зачастую вызваны предрассудками, стремлением выдать желаемое за действительное и безосновательным фантазированием», К. Маккон готов утверждать, что «в течение нескольких столетий до Рождества Христова обширные территории от Иберийского полуострова до Малой Азии были заняты народами, называвшими себя *Keltoi*, разделявшими, по-видимому, общую легенду о происхождении от „скрытого“ бога подземного мира и разговаривавшими на близкородственных языках (по большей части, вероятно, на сохранявшем относительную однородность галльском)» (Р. 46). В числе черт, объединявших кельтские народы в культурном отношении, К. Маккон выделяет, среди прочего, традицию охоты за головами и трехчастную структуру интеллектуальной прослойки общества, состоявшей из друидов (**druwid-*), провидцев (**wāti-*) и бардов (**bardo-*).

Несмотря на то что предложенная К. Макконом аргументация в пользу единого самоназвания кельтских народов выглядит стройной и непротиворечивой, вряд ли можно ожидать, что она действительно убедит всех «кельтоскептиков». Любая этимологизация этнонима представляет собой весьма рискованное пред-

приятие, поскольку нет подтверждающих свидетельств других языков. К. Маккон предлагает сразу несколько новых этимологий, из которых сравнительные данные есть лишь для кельтов/Хель, но это сближение неочевидно. О том, что «скрытая» Хель является аналогом кельтского божества, мы можем узнать, только реконструировав его имя — через сопоставление гипотетической этимологии слова *Keltoi* с единственным упоминанием общекельтского бога подземного мира у Цезаря. При этом чтобы предположить, что упоминаемый Цезарем бог действительно был общекельтским, мы должны заранее быть уверены в общности кельтского пантеона в том числе и для тех регионов, где Цезарь никогда не был, — для подобной уверенности, однако, нет достаточных оснований. Точно так же и использование элемента *Celt-* в имени Кельтилла не гарантирует, что Кельтилл называл себя «кельтом», а «переоценка» К. Макконом свидетельств античных авторов выглядит несколько волюнтаристской. В сухом остатке мы имеем лишь увеличение количества ярких и в разной степени правдоподобных гипотез на основе той же источниковой базы.

Литература

Chapman 1992 — Chapman M. *The Celts: The Construction of a Myth*. London.

Collis 1996 — Collis J. *The Origin and Spread of the Celts* // *Studia Celtica*. Vol. xxx. P. 17–34.

Sims-Williams 1998 — Sims-Williams P. *Celtomania and Celtoscepticism* // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. Vol. 36. P. 1–35.

Uhlich 2000 — Uhlich J. Рецензия на книгу Birkhan H. *Kelten. Versuch einer Gesamtdarstellung ihrer Kultur*. Vienna, 1997 // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. Vol. 39. P. 65–73.